

Комплексная Самодеятельная Экспедиция

Вначале было слово. Это слово было у писателя Казанцева и прозвучало оно в фантастическом рассказе «Взрыв», написанном в 1946 г.

Марсианский космический корабль потерпел бедствие. Из-за нештатной ситуации он взлетел с места посадки в тайге и его ядерная силовая установка на высоте в несколько километров взорвалась. Это произошло 30 июня 1908 года на Подкаменной Тунгуске.

В печати развернулась дискуссия, возможен ли описанный Казанцевым сценарий. Самый простой способ его проверить — измерить радиоактивность на месте взрыва ТКТ. В 1958 г. группа энтузиастов из Томска и Новосибирска по предложению Г.Ф. Плеханова объединилась с целью проверить эту гипотезу, да и вообще разобраться, что же случилось в 1908 г. в Тунгусской тайге. В 1958 г. они сформировали общественно-научную организацию — комплексную самодеятельную экспедицию (КСЭ), которая в 1959 г. провела свой первый полевой сезон. КСЭ-1 работала по своей программе, никакой координации с Комитетом по метеоритам (КМЕТ) еще не было.

«КСЭ-2 (1960) подтвердила взрыв метеорита в воздухе, отсутствие в районе метеоритных кратеров и положила начало важнейшей для судьбы проблемы работы — составлению атласа карт разрушений, вызванных ударной волной и температурными факторами Тунгусского взрыва. Работа КСЭ-2 имела большой резонанс не только в Сибири, но и в столичных академических учреждениях. По-видимому, не без учета ее результатов, в Комитете по метеоритам произошел серьезный пересмотр считавшихся до тех пор твердо установленных позиций: поскольку шансы на обнаружение кратеров и вообще прямых следов падения метеорита на Землю приблизились к нулю, гипотеза об астероидальной природе Тунгусского метеорита, которой придерживался Л.А. Кулик, практически утратила своих сторонников.

Термин «комета» применительно к Тунгусскому метеориту использовался многократно и ранее. Не чужд был ему и Л.А. Кулик, связывавший Тунгусский метеорит с кометой Понс-Виннеке. О Тунгусском метеорите как о ядре небольшой кометы писали в 1930 гг. Х. Шепли (H. Shapley), А.С. Астапович, Фрэнсис Уиппл (F.J. Whipple). Следует, однако, иметь в виду, что «кометы» в представлении ученых 30-х и 60-х гг. XX в. имеют между собой очень мало общего — если не считать признания наличия у этих объектов головы и хвоста. В 1930-е и даже 1940 гг. было широко распространено мнение о том,

что ядро кометы представляет собой рой каменных тел, в которых возможны и металлические включения. Тем самым принципиальная — с позиций метеоритики — разница между телами астероидальной и кометной природы, в сущности, терялась.

В 1960-е годы ситуация изменилась: благодаря трудам знаменитого американского астрофизика Фреда Уиппла (F.L. Whipple) было установлено, что кометное ядро — это не каменные и тем более не железокосменные образования, а своего рода космические айсберги, состоящие из замерзших газов, загрязненные тугоплавкой космической пылью. Впоследствии, впрочем, выяснилось, что представление о высокой степени чистоты кометных льдов во многом преувеличено, и доля тугоплавкой составляющей в ядрах комет все же достаточно велика. Именно из такой, «газоледяной», а вовсе не «каменной» модели исходил В.Г. Фесенков, положив ее в основу нового подхода к пониманию природы Тунгусского феномена. И именно представление о ледяной комете стало стержнем крупномасштабных полевых работ под общим руководством К.П. Флоренского в 1961 — 1962 гг.

Экспедиция КМЕТ АН СССР в 1961 г. работала совместно, по единой программе, с КСЭ-3, поскольку проверка кометной гипотезы также входила в научный план последней.

К сожалению, альянс КМЕТ и КСЭ оказался недолговечным. К.П. Флоренский, воодушевленный действительно весьма значимыми результатами, полученными экспедицией 1961 г., сделал в прессе заявление о решении проблемы Тунгусского метеорита в пользу кометной версии. Интерес КМЕТ к полевым работам в районе катастрофы стал угасать. Порою высказывалось мнение, что дальнейший сбор полевых данных можно уподобить уточнению числа π до сотого знака после запятой.

С этим согласились далеко не все исследователи, особенно в КСЭ. Многие настаивали не на свертывании, а на расширении полевых работ, и главная причина состояла в отсутствии, как и во времена Л.А. Кулика, надежных данных о составе вещества Тунгусского космического тела. Полемика приобрела резкий характер, и результатом ее стал организационный разрыв КМЕТ и КСЭ в канун полевых работ 1962 г.

С той поры прошло более сорока лет. Жизнь многое расставила на свои места. Ныне совершенно ясно, что, при всем уважении к кометной гипотезе в варианте В.Г. Фесенкова, никакого окончатель-

ного решения проблемы осенью 1961 г. не состоялось и состояться не могло, хотя и не вызывает сомнения, что попытки обоснования и проверки кометной версии являлись очередным и совершенно необходимым этапом исследований.

Возникшая коллизия была разрешена весьма мудрым и, вероятно, единственно правильным путем. В 1962 г. Комитет по метеоритам передал основные полномочия по дальнейшему проведению связанных с Тунгусским метеоритом работ Комиссии по метеоритам и космической пыли Сибирского отделения АН СССР, сформированной на базе КСЭ. С тех пор и до настоящего времени КСЭ взяла на себя ответственность за координацию основной части многообразных, проводимых в районе катастрофы полевых работ.»

(Н.В. Васильев. Тунгусский метеорит. М.: Русская панорама. 2004 г.)

Более подробно о позиции КСЭ в конфликте с К.П. Флоренским, определившем ее научный путь после 1962 г., рассказывает Г.Ф. Плеханов в книге, которую мы уже упоминали.

«Еще на Заимке, а потом в Ванаваре, мы много говорили с Кириллом Павловичем об итогах этого года и единодушно соглашались, что работа далеко не завершена и бить в литавры преждевременно. Но буквально через месяц появилась его статья в «Пионерской правде», где он стремится вопрос закрыть. На мое резкое письмо ответ был уклончивый. «Это, мол, все в редакции искажили». Однако почти вслед за публикацией в «Пионерской правде» он выступает на радио, и наши друзья из «Теле-еле» записали это выступление на магнитофон. Там он однозначно высказывался в том ключе, что проблема, в основном, решена и «это была комета», вещество которой впервые в истории человечества попало в руки исследователей. Завершала серию «открытий» статья, напечатанная почти всеми газетами «Это была комета», инициатором которой был академик Василий Григорьевич Фесенков.

От Игоря Зенкина поступила информация, что намечается крупное общественное собрание, с выступлениями В.Г. Фесенкова, К.П. Флоренского, Е.Л. Кринова, которое, без участия оппонентов, должно было перед интеллектуальной элитой и и средствами массовой информации ярко показать эпохальное достижение советских ученых, «схвативших комету за хвост».

Начинается действие. Но выступают не Фесенков, не Кринов, а кто-то из посторонних. Расхваливают с восторгом кометную гипотезу. Здесь поднимается Зигель и резко ее критикует. Золотов ему вторит. Я ограничиваюсь молчанием. Артиллерия главного калибра еще не вступала в действие. Обсуждение заканчивается, в общем, нейтрально. В очередной раз поговорили о Тунгусском метеорите и спокойно разошлись.

Снова Томск и через какое-то время снова поступает информация, на сей раз от Лены Кириченко, об очередном готовящемся совещании, где «найденную комету намерены представить на соискание Государственной премии». Бурная урезанная пятница. Что делать? По сообщениям из Москвы, вроде бы Фесенков намерен от КСЭ включить в состав «премируемых» и меня. Но не совсем ясно, будет ли это реальностью. Когда лучше обнародовать наше негативное отношение к «закрытию проблемы»? То ли после официального выдвижения — от лица соучастников авторского коллектива, то ли заблаговременно. Ведь в КМЕТе, зная нашу реакцию, могут меня просто исключить из списков, и все наши действия будут рассматриваться как «завистливое злопыхательство». Склоняюсь к тому, что надо ехать, прибыть на совещание инкогнито, и в самом начале выступить с резкой критикой представляемой концепции.

В день открытия совещания втихаря прилетаю в Москву и, считая, что Москва — слишком большой город, занимаюсь своими не метеоритными делами без всякой маскировки. Но с самого утра встречаю в разных местах города сначала одного сотрудника КМЕТа, затем другого и, наконец, перед обедом, третьего. Тайна моего приезда раскрыта. Иду напрямиком в КМЕТ.

Там меня сразу же встречает Е.Л. Кринов и буквально затаскивает в свой кабинет. Из всех КМЕТовских сотрудников это был, пожалуй, самый прямой, простодушный и обаятельный человек. (Полная противоположность своему непосредственному начальнику.) В своем кабинете он открытым текстом говорит примерно следующее:

«Вы, конечно, знаете, что сегодня вечером Василий Григорьевич обнародует намерение выдвинуть на соискание Государственной премии СССР коллектив авторов, доказавших, что проблема Тунгусского метеорита, наконец, решена, так как твердо установлена его кометная природа.

От комитета он намерен включить в состав авторского коллектива К.П. Флоренского и меня, а от томичей Вас. (Почему-то про

Палея, Зоткина, Любарского и т.д. он ничего не сказал.) Так что не беспокойтесь, Ваш большой вклад в решение проблемы Василий Григорьевич тоже учел. Он уже предварительно заручился поддержкой сотрудников комитета по Государственным премиям и членов экспертного совета, поэтому можно не сомневаться в их благоприятном решении при присуждении самой премии».

Ситуация не из легких. Пока все это было нашими досужими домыслами, подкрепляемыми различными неофициальными сведениями, то и решения могли иметь вероятностный характер. Но здесь, когда вещи названы своими именами и никакой двусмысленности в ситуации не осталось, нужно срочно определять линию дальнейшего поведения.

Решение однозначное. «Война до победного конца». Говорю Евгению Леонидовичу, что проблему нельзя объявлять решенной, там еще многое не ясно. Если же провозгласить, что все уже решено, то ни официальные инстанции, ни административно-научные учреждения даже слушать не станут о необходимости продолжения исследований.

Он резко не соглашается и рекомендует посмотреть отчет и более детально обсудить этот вопрос с К.П. Флоренским, который обработал все летние результаты и однозначно доказал наличие кометного вещества в почвах района.

Захожу к Игорю Зоткину. Он показывает отчет К.П. Флоренского. Бегло просматриваю, не нахожу ничего нового, по сравнению с уже известными фактами. Игорь подчеркивает, что вся фактура отчета основана только на старых данных.

Появляется К.П. Флоренский. Спрашиваю его в лоб, почему он резко изменил свою точку зрения по сравнению с Ванаварой. Это он объясняет более полной обработкой полевых данных. Зная всю кухню работы, спрашиваю, какие же новые факты здесь приведены. К.П. отвечает, что новых фактов нет, но есть важные обобщения и заключения В.Г. Фесенкова. Предлагает внимательно ознакомиться с отчетом и протягивает его мне. Швыряю его в сторону и резко говорю о полном несогласии с постановкой вопроса о решении проблемы, о прямых доказательствах кометной гипотезы и т.д. Он ссылается на авторитет В.Г. Фесенкова, хотя по летним разговорам знал, что для меня это не довод. Идет обмен резкими выражениями.

В заключение говорю, что если Фесенков и компания попытаются выставить эту работу на соискание Государственной премии, то мы поднимем в прессе такую бучу, что тошно будет. И тут же подаю

телеграмму Любарского, где он полностью солидарен с нашей критикой «доказательств кометной гипотезы». Сообщаю, что он не одинок, и под этими обращениями в ряд центральных газет и журналов готовы подписаться три четверти состава экспедиции, и не только от КСЭ.

Расстались мы весьма холодно. Но... Выдвижение на соискание Государственной премии не состоялось. Какие там у них были закулисные разговоры — не знаю. Видимо, не очень лестные в наш, и персонально в мой, адрес, так как всякая дружба с КМЕТом на этом закончилась. Спустя месяц или два я снова появился в столице, по установившейся традиции зашел в КМЕТ, но никто кроме Игоря Зоткина и Егора Малинкина со мной разговаривать не стал. Заняты.

...

Наши взаимоотношения с Кириллом Павловичем развивались по синусоиде. Зима 1959/60 г. — вполне дружественные, с некоторым оттенком покровительства. Особенно это проявилось во время киевской метеоритной конференции, когда и он, и я были как бы включены в общую КМЕТовскую обойму. Там я был наиболее близок к Б.И. Вронскому, с которым уже установились дружеские взаимоотношения, а через него с Криновым, Зоткиным, Емельяновым, и, естественно, с Кириллом Павловичем.

Лето 1960 г. было занято делами экспедиционными, так что вновь с К.П. мы встретились поздней осенью. Осень и зима 60 г., пожалуй, время нашего наибольшего объединения. Планирование совместной экспедиции, уточнение планов и задач, материальное обеспечение — все это, естественно, сближало основательно.

Первый холодок прошел где-то в мае 61 года, когда он написал уже упоминавшееся письмо. Завершились разногласия полным примирением в поезде. Затем совместная работа в экспедиции. Ее для меня можно разбить на три периода. Первый месяц с гаком мы с К.П. почти ежедневно контактировали без малейших намеков на конфронтацию. Затем наш 40-дневный вояж с Антоновым и Вербой. Тут, естественно, никаких контактов не было. И. наконец, заключительные полтора месяца. Снова работаем в полном контакте.

Зиму 1961/62 г. тоже можно разбить на ряд этапов. Сразу после экспедиции, вроде бы, все проговорено, договорено, и, никаких противоречий нет. Затем достаточно быстро наступает недопонимание. К.П., как под гипнозом, начинает повторять слова В.Г. Фесенкова: «Все решено, это была комета, проблему можно закрывать», что и

привело к резкой конфронтации. Наконец, открытое противостояние. Резкий разговор в КМЕТе — и полный разрыв. Возвращаясь к тем дням, уже с теперешней «точки зрения», могу однозначно сказать, что не сожалею о содеянном. Ни тогда, ни сейчас. Нельзя официально закрывать любую нерешенную проблему. Тем более такую сложную, многоплановую и глобальную, как ТМ.

Сожалею лишь об одном, что был я во время того принципиального разговора излишне резок. Надо было еще и еще раз терпеливо попытаться убедить К.П., что Василий Григорьевич, хоть и академик, но в этом вопросе может быть не прав. Попытаться перетящить его на свою сторону, сделать союзником, а не противником. Он ведь грамотный, вдумчивый, трезвый исследователь. Ему ли не понять, что здесь схлестнулись две концепции: сугубо научная и конъюнктурная. Можно ли недостаток знаний прикрыть пусть самыми красивыми, заманчивыми, но однозначно не доказанными гипотезами.

В первой половине 62 года Кирилл Павлович прекращает все контакты. И даже когда я во время экскурсии на метеоритные кратеры Каали Ярв в Эстонии после ленинградской конференции по метеоритам попытался заговорить с ним, он кратко ответил: «Мне с Вами говорить не о чем». Все дальнейшие контакты с К.П. и КМЕТом поддерживал только Николай. Наши прекратились полностью. А жаль, ведь К.П. Флоренский, по большому счету, был вполне достойным продолжателем дела своего учителя В.И. Вернадского».